Алексей ТОКАРЕВ

ЗОЛОТОМОР,

или

ЗАСТЫВШИЕ СЛЁЗЫ БОГОВ

Алексей Иванович Токарев

Золотомор, или Застывшие слёзы Богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060786
SelfPub; 2025

Аннотация

Исторический детектив. Подлинная история неоконченных поисков сокровищ стоимостью более 650 миллионов долларов США.

Череда таинственных событий, связанных с загадочным исчезновением десятков тонн золота и сотен бриллиантов в начале XX века.

Исторический детектив. Подлинная история неоконченных поисков сокровищ стоимостью более 650 миллионов долларов США.

Череда таинственных событий, связанных с загадочным исчезновением нескольких тонн золота и сотен бриллиантов в начале XX века.

Герои романа – потомки промышленников XIX века, объединившиеся в 2025 году для расследования тайны исчезновения семейных сокровищ при эвакуации золотого запаса России из Казанского банка в 1918 году.

Потомкам оставлены именные медальоны с зашифрованными символами.

Читатели могут принять участие в разгадке тайны, зашифрованной в оставленных посланиях. Рисунки с символами и другие подсказки, представлены в тексте романа.

Достоверность публикуемых фактов можно проверить в открытых источниках.

Алексей Токарев
Золотомор, или
Застывшие слёзы Богов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

С чего всё началось …? Сейчас и не упомнишь. Скорее всего, с конверта, чудом не угодившего в мусорную кучу и не сожжённого тут же вместе с засохшей травой, обломанными ветками и прочим хламом, скопившимся в доме и вокруг него за последние годы.

С трудом открыв рассохшуюся тяжёлую дверь во двор старого заброшенного родительского дома, Алексей не подозревал, что переступает порог из одной жизни – обыденной, монотонной и размеренной, в другую – незнакомую, непредсказуемую и опасную. Он не думал надолго задерживаться здесь, хотел только перед подачей объявления о продаже осмотреть, всё ли в порядке: двери, окна, крыша, хозяйственные постройки. Собирался поговорить с соседями, чтобы узнать хотя бы примерную цену за продаваемые в округе

дома.

Ключ от старого проржавевшего, давно не открывавшегося почтового ящика потерялся. Пришлось вскрыть его лежавшим рядом ржавым топором. Из кипы посеревших от времени, сырости и пыли извещений и квитанций выпал конверт, подписанный незнакомым почерком. Если бы Алексей выкинул его в кучу мусора вместе с остальной ненужной уже корреспонденцией, то спокойная, неторопливая жизнь, скорее всего, и дальше шла бы по накатанной колее – тихо и размеренно. Но он почему-то поднял конверт, сунул в карман, даже не рассмотрев обратного адреса, и тут же забыл про него.

2001 ГОД. «Я БЫЛ ОДИН В МОЁМ РАЮ …»

После окончания университета Алексей Ильин несколько лет отработал в проектном бюро одного из номерных предприятий Екатеринбурга. Молодой специалист, выпускник московского вуза, русоволосый светлоусый парень среднего роста, с беззаботной приветливой улыбкой, но решительным и взбалмошным характером, быстро влился в дружный коллектив таких же шальных и своенравных в прошлом, но остепенившихся с годами геодезистов.

Хорошая, престижная, с перспективой карьерного роста, работа в центре города. Зарплата вот только меньше, чем хотелось бы, но на весёлую холостяцкую жизнь пока хватало.

Встречи со школьными друзьями, поездки с гитарой за спиной на пикники и в гости к подругам, бурные вечеринки до утра. Трудно сказать, чем бы всё это закончилось.

Но вскоре появилась она – стройная, умная, красивая семнадцатилетняя девочка из его юношеских снов. И разошлись тучи над серым от сырости городом, и заискрилось солнце на мокрых от дождя окнах проектного бюро. Отчего-то вспомнились строки, услышанные на одной из московских вечеринок от своей подруги – словацкой студентки Милославы, писавшей дипломную работу по стихам ныне забытого поэта – символиста Фёдора Сологуба:

«…Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезёй лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, – как смех утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул… проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева …».

– Откуда ты, Ева? … Или Лилит?

– Таня, – засмеялась она. – Студентка предвыпускного курса. Приехала в ваше предприятие для прохождения производственной практики.

Это судьба – понял он. На три месяца исчез беспокойный, суетливый, бурлящий мир. Остановилось время. Прошлого не было. А будущее? … Кто может знать, что такое будущее?

Лето пролетело, как сон, и она уехала завершать учёбу, сказав на прощание:

– Через год приеду. Готовься к свадьбе и не шали.

Всё так и получилось. А потом родилась дочь, и пришлось сменить спокойную офисную жизнь на кочевую, но более оплачиваемую – работу в геодезических экспедициях. Командировки, переезды. Исколесил Ильин всю страну. На вертолётах и вездеходах, а чаще пешком – по тундре, тайге, болотам и степям. Поработал и на севере – от Ямала до Колымы, и на южных окраинах России, пока не заработал всё, что хотел, и не осел окончательно в родном Екатеринбурге.

По совету друзей и коллег открыл компанию по своему профилю – геодезическое сопровождение строительства. На заработанные в экспедициях деньги закупил необходимое оборудование, арендовал офис. Работа пошла не сразу. Сначала подбирал команду профессионалов – единомышленников. Потом искал выход на клиентов, заказчиков, подрядчи-

ков. Многие из них знали Ильина по работе в солидном государственном предприятии, доверяли ему, и со временем его компания стала известна в городе и области.

2024 ГОД. БЕЛЫЕ ПОЛОСЫ. ЧЁРНЫЕ ПОЛОСЫ

Пролетели годы.

Круг Жизни: день – ночь, лето – зима, начало – конец.

Колесо Сансары: белая полоса – чёрная полоса, рождение – смерть.

Белая полоса – период удач, везения, находок, преодолений. Главное в это время не успокаиваться и понимать: за белой полосой обязательно последует чёрная.

В отличие от белой полосы, наплывающей тихо и незаметно, чёрная – вереница сложных ситуаций, неудач, провалов, потерь и трагедий – сваливается на голову внезапно и врасплох. Кирпичом с крыши, обухом по голове, громом среди ясного неба. Причём, все беды являются либо сразу скопом, либо сплошной беспрерывной чередой.

Много повидал Алексей за эти годы, немало пережил. Радости и беды, обретения и утраты. До поры до времени жизнь катилась по накатанной колее: дом, семья, работа. И вдруг всё рухнуло. Возможно, бывает и так, но как-то уж очень неожиданно и жестоко. Один за другим ушли из жизни родители: мать погибла в аварии, отца сгубила ошибка врачей

при несложной операции.

Беда одна не ходит. Трагедии, потери и несчастья следовали за Ильиным по пятам. И когда два года назад после тяжёлой болезни не стало жены – его тихого, безмятежного счастья, он вспомнил продолжение стихотворения «Я был один в моём раю…», с которого началось их знакомство:

« … И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул… проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева…

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, – навеки скрылась».

С тех пор дела пошли совсем плохо. Конечно, была в этом и его вина. Забросил свой небольшой, но приносящий стабильный доход, бизнес. Редко появлялся на работе, перестал встречаться с заказчиками и они со временем нашли других партнёров – подрядчиков.

Ломала, ломала его судьба. Нет, не сломала. Била, била его. Нет, не убила. Споткнулся только Лёша. Оступился неунывающий заводила и балагур. Рухнул носом в землю упрямый неуступчивый задира. Здоров он был, сердит

и упёрт, как бык на корриде, про отвагу и ярость которого рассказывал ему кубинский дружок и сосед по студенческой общаге – однокурсник, гуляка и весельчак Диего.

«Фуэрто комо ун торо» – упрям как бык. Но видать улетели в небо упорство и настойчивость вслед за дорогими ему людьми. Или утонули в грязи после его стремительного падения. Спасовал чуток Алексей, ушёл в загул по старой русской традиции: «чтобы забыться, надо напиться и отключиться». Загулял надолго – дни, недели, месяцы. Сбился со счёта. Сник и обессилел Ильин. Сошёл с него былой лоск. Русые волосы выбелились сединой. Костюм, пошитый в лучшем ателье города, истрепался и болтался на осунувшемся теле, как на старом пластмассовом манекене.

Потерялся, а дорогу никто не показал. Заплутал, а руку никто не протянул. Даже компаньоны и друзья (как он считал) ушли, бросили его, а заодно и «кинули»: на оставшиеся совместные деньги открыли другое предприятие, не вернув ему ни рубля. Только сказали на прощание:

– Иов ты многострадальный. Да и слабак к тому же.

– Хоть и засранцы, но начитанные, – удивился Алексей и не стал спорить, скандалить, судиться: не было ни желания, ни злости, ни сил. Да и правы они: не осилил горемыка свалившихся испытаний.

Придя в себя через несколько месяцев, Ильин понял, что остался без работы, доходов, семьи и друзей. Но жизнь про-

должалась, и об этом ему напомнили банки – кредиторы, потребовав возврата долгов и пригрозив судебными исками. Дочь с зятем и внуком жили отдельно в соседнем городе, сестра с сыном и вовсе на другом конце страны. Да и не собирался Алексей обращаться к ним за помощью: сам развалил свои дела, самому и подниматься надо. Встретился с бухгалтером своей когда-то процветавшей, а теперь пришедшей в упадок компании. Поговорил, извинился за задержку зарплаты, наобещал чего-то. Она девушка добрая, сострадательная. Сходила в банки, договорилась о небольшой отсрочке, всё равно конфисковать у него нечего, потом банкротить будут.

Но что же делать дальше? Надо бы найти деньги, и тогда можно попробовать как-то оживить свой разорённый бизнес. Решил зайти по старой памяти к знакомым «авторитетам», прессовавшим и крышевавшим кооператоров в бурные девяностые. Теперь они уже не лиходеи – беспредельщики, а уважаемые руководители фирм, работающих преимущественно по серым схемам. Алексею приходилось иметь с ними дела во время работы со строительными организациями. Вряд ли они сами что-то проектировали или создавали. Скорее, «отмывали» лишние деньги из выделяемых на строительство бюджетных средств.

Ильин со своими заказчиками давал им возможность зарабатывать десятки и сотни миллионов, пусть и они теперь

помогут подняться его компании. Может, найдут богатых заказчиков или организуют встречу с кем-то из денежных тузов.

– Ола, амигос бандидос!

Друзья и знакомые Ильина давно уже привыкли и не обращали внимания, когда он в разговоре к месту и без места вставлял иногда приличные, а бывало и не совсем пристойные забугорные словечки и выражения, которым научился в Москве от своего «амиго кубано» – кубинского приятеля. Вот и Михаил Петрович Седов, а в прошлой «жизни по понятиям» просто Седой или Петрович, услышав непривычное для посторонних, но знакомое для него приветствие, особенно не удивился и не осерчал на столь фамильярное обращение.

Когда-то они жили по соседству в пригородном посёлке и учились в одной школе. Потом беззаботная холостяцкая жизнь раскидала их по разным концам необъятной великой страны. Ильин очутился на грязной, хмурой и мрачной её окраине – в послеперестроечной Москве. А Седову его разудалая хулиганская авантюрная судьба подарила прекрасные яркие солнечные просторы срединной России – лагеря центральной Сибири.

Но из библейской притчи давным-давно известно: куда бы ни заносил слепой случай сыновей – скитальцев, обычно все они, блудные, после странствий своих возвращаются домой.

Вот и бывшие одноклассники в последние годы снова жили и работали по соседству.

– Ола – ола! Привет, ебургский амиго! Живой, бедолага? Судя по тому, что вспомнил свой хреновый испанский, похоже, что ожил. Снова в рабочей форме? По делу или просто свежим воздухом подышать вышел? – Седой весело и удивлённо, как гостя с того света, рассматривал давнего знакомого, внезапно появившегося после долгого загула.

– Надышался уже. А к вам, конечно, по делу. Как можно приличных людей попусту беспокоить. Хочу восстановить работу компании, снова поднять её. Не век же гулять. С банками вроде бы договорился. Дали отсрочку пока. Но это на время. Надо зарабатывать. Может, найдёшь хорошего заказчика для нас? Из каких-нибудь крутых боссов – владельцев заводов, газет, пароходов. У тебя же теперь больше, чем у меня, знакомых среди деловых людей. Так что, выручай, Петрович. – Алексей решил подкрепить слова цитатой классика. – Помнишь бессмертное грибоедовское: «Ну как не порадеть родному человечку …»?

Седой, несмотря на десятилетку, о Грибоедове знать не знал, ведать не ведал. Хотя, возможно, слышал где-то краем уха, потому что выражение "горе от ума" часто звучало от него в последнее время. Скорее всего, и сейчас вспомнил его, с пониманием и сочувствием объясняя бессмысленность надежд Ильина на чью-либо финансовую помощь.

– Знаем мы, Лёша, о твоих проблемах. Случилась беда у тебя … и не одна. Всякое в жизни бывает. Мы ведь помогли тебе тогда – в трудные времена. Даже без просьбы с твоей стороны.

– Да, Петрович, спасибо! – Ильин помнил, как в нелёгкие для него дни пришли незнакомые молчаливые парни в одинаковых строгих костюмах, передали от Седова слова соболезнования, деньги и в течение нескольких часов решили все проблемы с ритуальной компанией.

– Поможем и сейчас. Но это так, на хлеб с маслом на первое время. У тебя ведь другие сложности: много задолжал ты компаниям разным, банкам, да и людям непростым. Сколько долгов-то? Тысяч на сто пятьдесят зелёных денег или больше?

– Одиннадцать миллионов рублей плюс проценты, штрафы. Бухгалтер на днях точнее посчитает.

– Ну, это примерно сто семьдесят – сто восемьдесят тысяч баксов. Деньги по нынешним временам небольшие, но кто тебе их даст? Даже под максимальные проценты не дадут. Про банки я уж молчу. Но ведь и деловые люди не дадут! Здесь все знакомы с детства и все друг про друга всё знают. Извини, Лёха, но это же не секрет, что ты на стакане сидишь. Ну, или сидел последнее время. Бухаешь? Завязал? … И мы сидели когда-то, и не только на стакане. Но те времена прошли. Теперь вот в спортзал да в бассейн по вечерам ходим. Банки сейчас предупреждают постоянных клиентов о

предприятиях, имеющих определённые затруднения. А твоя компания считается проблемной, так что и строители с заказами не придут. Слухами земля полнится, а причудами свет. Тебе уже наверняка предлагали банкротиться. Нет? Значит, жди звонка.

– Да пошли они в жопу, – вспылил Алексей. – Знаем мы с тобой ещё с девяностых годов этих грёбаных банкиров. Найду бабки, откачу этим козлам долю, и забудут они тут же о моих проблемах и затруднениях. Столько лет, сил, средств я вложил в это дело. И что же, всё бросить теперь? – Ильин пошёл к выходу. Он особо не надеялся на помощь, но и выслушивать наставления перестроившегося сидельца не собирался.

– Ты не кипятись. – Седов примирительным жестом остановил разгорячившегося приятеля, помогавшего ему в трудные времена. – Я слышал, твои компаньоны ушли от тебя вместе с бабками, «кинули» на прощание. Если так, то можно поговорить с ними, заставить вернуть что положено. Мы-то сейчас такими делами не занимаемся, но если решишь разобраться с ними, дай знать. К тебе подойдут надёжные парни. Но только если сумма приличная. Если небольшая, они и заниматься этим не будут.

– Сумма не стоит разборок. Да и забыл я уже про этих «друзей».

Седов с любопытством посмотрел на Ильина и продолжил:

– Есть ещё один старый вариант, чтобы приподняться, но это на самый крайний случай, если тебя уж окончательно припрёт. Фирма – однодневка.

– А что, работает ещё такая схема?

– Работает. Помнишь Володю Пушкина? Заметил, что его в городе нет? История древняя как мир: запил, загулял, жена бросила, продала каким-то образом без него квартиру и уехала с сыном на край света к родителям-старикам. Побомжевал он с полгода без работы и жилья, а потом и согласился таким образом заработать. Сейчас скрывается где-то на просторах братских республик. Объявили в розыск. Может, поймают когда-нибудь, а может, и нет. Сколько таких, как он, исчезли, и не сосчитать.

Алексей знал этот быстрый, но опасный вариант наживы: найти бомжей или забулдыг с паспортами, оформить на них фиктивную компанию с несуществующим бизнесом и через знакомых работников банков взять кредиты. После этого вывести деньги со счетов, обналичить, разделить со всеми участниками схемы «по-братски», а самому исчезнуть. Знал и пропавшего Володю Лысенкова, которого за пышную шевелюру и бакенбарды все звали Пушкиным. Когда-то был успешным предпринимателем.

– Схема прежняя, – напомнил Седой. – Пятьдесят процентов тебе, пятьдесят – организаторам. И ты после этого испаряешься.

Алексей поблагодарил, пообещал подумать, попрощался

и ушёл. Во-первых, знал, чем обычно заканчиваются подобные «бизнес – проекты». Во-вторых, решил, что зарекаться и отказываться сразу тоже нельзя. Помнил пословицу: «Вчера не догонишь, а от завтра не уйдёшь».

Только прилёг дома, зашла соседка тётя Клава, знавшая ещё его родителей и приглядывавшая за ним, особенно в последнее время. Пришла с сыном Олегом, инвалидом и горьким неизлечимым пьяницей. Запричитала:

– Совсем ты исхудал, сердешный. Вон и одежда на тебе болтается, и выглядишь неважно. Поешь хоть немного. Борща я наварила, котлет налепила, давай занесу тебе.

Олег поставил на стол пятилитровую баклажку разливного вина:

– Иваныч! Амиго! Пора засандалить. Брательник из Баку привёз. В командировке там был, вот и нас с тобой не забыл.

Тётя Клава насупилась, но потом смягчилась: – Это сухенькое, его можно. Но котлет и борща я вам сейчас принесу. … Ты бы сходил, Лёша, проведал родительский дом, посмотрел, всё ли там в порядке. Времена сейчас недобрые. Бомжи подселятся, растащат всё, разрушат.

Расслабился Ильин с соседом, успокоился, но, видимо, рано. На следующий день пришло грозное извещение из налоговой инспекции: просрочены выплаты по налогам, начисляется пеня. И далее перечисление видов наказаний – от

штрафов до уголовной ответственности. Позвонил по указанному телефону. Налоговый инспектор слушать его не стал. Проговорил заученную, много раз повторяемую фразу:

– Ваш бизнес в настоящее время убыточен. Предприятие надо закрывать, все задолженности гасить, иначе штрафы и дальше будут расти.

И бежать-то некуда, да и было бы куда, но не с чем…

Задумался Алексей. Что делать дальше, как восстановить работу компании? Чтобы выплатить все долги, нужны деньги. Вспомнил вчерашние слова тёти Клавы. В отчаянии решился на скверный шаг, гнусный и подлый, но единственный, как ему казалось, в этой ситуации – продать оставшийся от родителей дом в пригороде Екатеринбурга.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Дом этот строил его отец через год после рождения первенца. Не один строил, конечно, а с друзьями. Как ни странно, Алексей помнил эту стройку. Помнил, как под ярким летним солнцем бродил голышом на неокрепших спотыкающихся ногах по свежим пахучим стружкам между отёсанных брёвен, а загорелые, раздетые по пояс мужики, шумные и весёлые, стуча топорами, кричали со срубов друг другу: «Осторожно, мальца не зашиби». Помнил, как мать и жёны друзей – строителей сновали между костром, на котором готовили обед, и наспех сколоченным огромным столом, также

терпко пахнущим смолой и летом.

Родителей давно нет, сестра уехала. Дом стоит уже несколько лет опустевший, затихший, беспризорный. Надо продавать, а то ведь развалится от времени без надзора и ухода или сгорит по неведомым причинам, как часто это случается здесь. Продажа дома много денег не принесёт и от всех долгов не избавит, но выручит хотя бы на первое время.

Для начала решил осмотреть комнаты, разобрать оставшиеся от родителей вещи и документы с тайной надеждой обнаружить хоть что-нибудь, дающее возможность спасти родную обитель от продажи, а его от окончательного разорения. В доме всё осталось нетронуто, как при отце, редко бывавшем здесь после смерти матери. На столе в гостиной лежали газеты, недочитанные им перед отъездом на операцию. На них очки и пачка «Беломора». Бросив на диван рюкзак с документами, ноутбуком и пакетом с завтраком от тёти Клавы, Алексей оглянулся. Скрипнула дверь, и ему вдруг показалось, что из кухни вот-вот выйдет отец и как обычно спросит про погоду на улице, про дела, про жену и дочь.

Тихо. Нет никого. Только пыль и паутина – на полу, на старых газетах, на потускневших стёклах окон.

Осмотрелся, прикинул, что можно выбросить, а что оставить будущим хозяевам. Немецкая стенка, румынский кухонный гарнитур. Всё доставали с рук (так это тогда называлось) в трудные, но прекрасные в своей беззаботности

восьмидесятые годы двадцатого века. Купить в магазинах такое богатство было практически невозможно. И выкидывать жалко даже сейчас: мебель старая, но крепкая, из массива сделана, а не из ДСП, как собирают теперь. Пусть новые хозяева решают, как поступить с этим антиквариатом.

Включил холодильник. Тот весело загудел в глухой тишине опустевшего жилища.

«Вот же делали! Работает! А сколько ему лет? Двадцать пять, тридцать?»

В одном из шкафов обнаружил старые документы: пожелтевшие квитанции, домовые книги, потрёпанные фотографии знакомых и неизвестных ему людей, обесцененные сберкнижки, комсомольские и профсоюзные билеты бывших обитателей дома. Все нужные и ценные документы Алексей вывез отсюда ещё несколько лет назад к себе домой. А эти сложил сейчас в найденный мешок, чтобы позднее сжечь.

Осторожно встав на шатающийся табурет, заглянул на антресоли под потолком в прихожей. Выгреб оттуда никому уже не нужные вещи. Туда же, в костёр. Поднял упавшую бумажную папку с завязками, открыл: письма и открытки от незнакомых людей. Что это? От кого? Дежурные поздравления с праздниками, присланные в девяностых годах. Несколько из них подписаны Ивановой Ольгой из Оренбурга и Вознесенской Еленой из Казани. Начал просматривать и вспомнил этих женщин и давнюю поездку с матерью к род-

ственникам в незнакомый город на реке Урал, где узнал начало давней, странной, загадочной истории, в заключительных этапах которой и ему через много лет предстояло участвовать.

ГЛАВА 2

1989 ГОД. ОРЕНБУРГ

В тот далёкий год в Оренбурге собрались потомки семей Ильиных и Дубининых, связанных родственными узами ещё с восемнадцатого века. Революция и две войны разбросали их по огромной стране, и они давно уже не общались, хотя слышали и знали друг о друге. Организовал встречу старший из Дубининых – Александр Александрович, решивший собрать потерявших связи родственников, чтобы наконец-то попытаться разгадать тайну событий, произошедших много лет назад с их тогда ещё дружными и сплочёнными семьями.

Встреча проходила в квартире правнучки солепромышленника Ильина, Ольги Ивановой, семья которой вернулась в Оренбург после долгих скитаний по стране. Кроме Дубинина для знакомства с нашедшейся через сто лет роднёй приехали вместе с детьми Валентина Ильина из Свердловска и Елена Вознесенская из Казани.

После радушных приветствий и долгих разговоров о судь-

бах ушедших предков, родственницы легко смогли найти общий язык, быстро сблизились и, обнаружив много общих интересов, с нетерпением говорили уже о следующих встречах. Дубинину стоило большого труда всех успокоить и настроить на важный разговор, ради которого они собрались здесь.

Для начала он обратился с пожеланием, чтобы приехавшие дети присутствовали при разговоре взрослых. Возможно, им предстоит в будущем продолжать поиски и вести расследование запутанной таинственной истории, случившейся вскоре после революции.

– Как вам, вероятно, известно, наши прадеды, промышленники Ильины и Дубинины, были представителями богатейших семей Российской империи. Во многих городах Поволжья и Прикаспия находились их предприятия, промыслы, магазины, склады. Долго рассказывать не буду, об истории своего рода вы сами знаете не меньше меня. А вот о том, что случилось после революции, поговорим более обстоятельно.

Двенадцатого января тысяча девятьсот восемнадцатого года было опубликовано постановление «Об утверждении секции благородных металлов В.С.Н.Х. и об установлении казенной монополии торговли золотом и платиной». С пятнадцатого января в течение месяца граждане советской России были обязаны продать Государственному банку все имеющиеся у них золотые изделия весом более 16 золотников. Не сданные в этот срок предметы подлежали конфискации.

И тогда же большевики решили переправить часть золотого запаса, хранившегося в Москве, в Казанское отделение Народного банка РСФСР. А в середине апреля вышло распоряжение о вывозе золота, серебра и денежной массы из других городов и сосредоточении их в кладовых этого банка. Таким образом, золото и драгоценности семей Ильиных и Дубининых, хранившиеся в банках, были конфискованы и вывезены в Казань.

Казалось бы, всё кончено. Семьи разорены, больше и рассказывать не о чем. Но в августе тысяча девятьсот восемнадцатого года отряды КОМУЧ (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) и подразделения взбунтовавшегося Чехословацкого корпуса захватили Казань и хранившуюся там часть золотого запаса России. Всем известно, как после этого золото было вывезено в Самару, а потом в Омск в распоряжение правительства адмирала Колчака.

Но сейчас не об этом. Для нас интереснее другие события тех дней. Один из прадедов семей, присутствующих здесь, а именно Леонард Иванович Ильин, незадолго до упомянутых событий вернулся из сибирской ссылки. А уже в конце августа он при содействии руководства КОМУЧ вывез из казанского банка конфискованные ценности Ильиных и Дубининых и золото, полученное комитетом для финансирования его деятельности. Ни количества, ни списка сокровищ никто не знает, но, по словам моего отца, только золота в монетах Леонарду было передано несколько десятков или даже сотен

пудов. Красные подступали к Казани, и незадолго до захвата города он эвакуировал свой груз по Волге в Самару. Оттуда, погрузив его на повозки, в сопровождении конвоя отправился в Оренбург, где семьи Дубининых и Ильиных ожидали обоз. Предполагалось, что затем ценности вывезут дальше – в Крым, на Кавказ или Кубань, а возможно, и в Персию.

Что случилось потом, куда делись сокровища, никто сейчас не знает. Быть может, груз был спрятан где-то по пути следования. Но не исключено, что его всё-таки удалось переправить дальше на юг, где ещё не было Советов. Нет никаких документальных подтверждений какой-либо версии исчезновения золота. Точно известно только одно: Леонард Ильин действительно перевозил его и после этого не пропал вместе с обозом, а остался жив. Доказательство этого факта – его правнук, приехавший со своей матушкой из Свердловска, – Дубинин показал на Валентину и Алексея Ильиных. – Думаю, об этой истории тоже все слышали. И приехавшие на эту встречу, – Александр Александрович окинул взглядом сидящих перед ним родственников, – и те, которых здесь нет.

Для чего я предложил наконец-то собраться и объединиться нам? Считаю, что всё-таки настало время попытаться хоть что-то понять и прояснить в загадочной веренице событий тех лет. Где могут находиться таинственно исчезнувшие сокровища? Вы представляете, что такое несколько тонн золота? И ведь не исключено, что оно до сих пор ле-

жит где-то под ногами. Где …? Под Самарой, Оренбургом, Уральском …? Давайте вместе подумаем, проанализируем, поищем какие-то ранее не замеченные свидетельства. Есть надежда, что в ваших семьях остались записи или дневники участников той эпопеи. Может быть, вы слышали от кого-то из родственников воспоминания, рассказы, версии, предположения?

Поднялась Елена Вознесенская, правнучка рыбопромышленника Николая Дубинина, приехавшая из Казани с сыном Максимом:

– Я историк по образованию и о событиях прошлого знаю не только из рассказов бабушек. Известно, что кроме золота в Казанском народном банке хранились серебро, платина и даже, видимо, ценности царской семьи. Есть много легенд и мифов о вывозе сокровищ из Казани в тысяча девятьсот восемнадцатого году. Бытуют версии и о том, что не все они были отправлены на восток к Колчаку: во время хаоса и неразберихи часть из них вывезли куда-то на юг. Про обоз Леонарда Ильина я тоже слышала рассказы родителей, но ничего конкретного в них не было. Что именно перевозилось, сколько, как и куда – не известно. Достоверно никто ничего не знал. Были ценности, но пропали. Вот и всё. А почему вы уверены, что они где-то укрыты? Шла война. Гражданская, братоубийственная. Белые, красные и многочисленные банды дрались между собой по всей территории

Поволжья. Вполне возможно, что обоз захватили, конвоиров перебили, а Ильин каким-то образом остался жив после этого.

Дубинин вскочил и торжествующе воскликнул:

– Да, и такое могло быть. Но у нас есть доказательства того, что груз был доставлен по назначению и потом где-то спрятан! Причём они есть у каждого из нас!

Заскучавшие родственники оживились, зашумели, загремели стульями.

– Что вы имеете в виду? Какие доказательства?

– Ваши прадеды, – продолжил Александр Александрович, – Дубинин Николай Петрович и Ильин Николай Сергеевич в тысяча девятьсот двадцатом году передали своим детям именные медальоны с некими зашифрованными символами. Я надеюсь, что они до сих пор хранятся в ваших семьях. Есть такой и у меня. Отец передал. В них, очевидно, и кроется разгадка тайны исчезнувших сокровищ. Чтобы разобраться в головоломке, оставленной нам, и определить, где они находятся, нужно собрать все медальоны, и постараться понять закодированные в них послания. Как мне говорили, шифр на каждом фамильном медальоне в то время мог разгадать даже ребёнок из семьи, которой он предназначен. Но посторонним людям, даже родственникам из других семей, понять зашифрованные символы трудно или даже невозможно.

Кроме того, знаю от отца, что Леонард вёл записи или дневники со времени сибирской ссылки, которую он отбывал вместе с Бакуном Александром Николаевичем, дедом Ольги Михайловны, – Дубинин кивнул в сторону хозяйки квартиры. – Эти записные книжки и тетради видел мой дед. Впрочем, Леонард и не скрывал этого. – Александр Александрович вопросительно посмотрел на Валентину Ильину.

Она пожала плечами:

– Да, муж рассказывал об этих бумагах. Его отец Анатолий Леонардович Ильин, единственный из всех родственников, как я поняла из разговоров здесь, пытался разобраться в этой таинственной истории. Леонард пропал без вести на фронте в тысяча девятьсот сорок втором году. Вещи, оставшиеся от него – медальон, какие-то тетради и блокноты, Мария Николаевна Ильина, в девичестве Дубинина, передала сыну Анатолию в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Тот, разобрав вещи и прочитав записи, загорелся идеей поисков, хотя тогда это было небезопасно. В начале пятидесятых годов он время от времени куда-то уезжал на одну – две недели. Может, и у ваших родителей даже побывал. Вот и в пятьдесят втором, через два года после рождения сына, в очередной раз куда-то отправился. Сказал, что едет на юг по делам и вернётся через несколько дней. После этого его никто больше не видел. Что было дальше, я знаю только по кухонным пересудам. Анатолия объявили в розыск, а через какое-то время признали безвестно отсутствующим или пропавшим.

Вещи, записи и медальон Леонарда Ильина после этого исчезли. Возможно, его сын забрал их с собой, уезжая на поиски. Вот такая фатальная судьба у двух близких людей: оба пропали без вести. Один на войне, а другой ровно через десять лет в мирное время.

– Да, ещё одна мистическая страница в этой удивительной истории, – Дубинин встал. – Но это не должно останавливать нас. Наоборот, мы просто обязаны продолжить дело, начатое сыном Леонарда, и всё-таки разгадать тайну исчезновения золотого обоза, сопровождаемого многочисленным вооружённым отрядом. Какие-то следы после того похода должны были сохраниться. Не может быть, чтобы в ваших семьях не осталось никаких записей, дневников или других свидетельств, связанных с этим опасным переходом по территории, охваченной гражданской войной. Поговорите с родственниками, поищите дома. И было бы неплохо нам снова встретиться. Уже с медальонами и желательно с какими-то документальными подтверждениями от ваших предков. Если не мы, то наши дети должны, наконец, разгадать оставленные нам загадки, а возможно и сокровища найти.

Потом долго ещё вспоминали, говорили, спорили: о давних событиях, семейных преданиях и именных медальонах. Из разговоров с родственницами Дубинин понял, что об исчезнувших ценностях они знали только общие детали:

а) Были драгоценности и золото, потом пропали. Где, как и сколько – не известно. Скорее всего, родители не раскрыли детям подробности из страха перед возможными репрессиями. А когда тревожные времена прошли, их уже не было в живых.

б) Во всех семьях когда-то были медальоны с непонятными знаками и символами, но где они сейчас, никто не рассказал. Многие догадывались, что семейные реликвии как-то связаны с исчезнувшими ценностями, но не знали каким образом.

Александр Александрович решил, что для возобновления поисков надо ехать в Свердловск и вместе с семьёй Ильиных попытаться отыскать записи Леонарда. Но Валентина Леонидовна отказалась от дальнейших контактов и разговоров на эту тему.

Договорились ли тогда о чём-то родственники, Алексей не знал. Помнил только, что к концу встречи они уже горячились, препирались, ссорились вполголоса, разъехались и никогда после этого больше не встречались. Он иногда вспоминал ту поездку – жаркое лето, арбузы, катание на лодках по реке Урал. Мать с неохотой говорила с ним на темы семейных преданий и легенд. А на расспросы о сокровищах и дедушке, пропавшем при их поисках, отвечала, что расскажет как-нибудь позднее. Много лет спустя, когда он поступил в университет и раз в полгода приезжал на каникулы, она

иногда откликалась на расспросы и рассказывала известные ей эпизоды из жизни семей его предков – солепромышленников Ильиных и рыбопромышленников Дубининых.

КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

С восемнадцатого века в Оренбурге жили две купеческие семьи с общими корнями – Ильины и Дубинины. Торговали мануфактурой, галантереей, продуктами. Держали магазины, лавки, склады не только в Оренбурге, но и в других городах Поволжья.

Особое внимание обращено на эти две семьи, потому что именно их потомки будут вовлечены самым непосредственным образом в необыкновенные события загадочной истории, случившейся в годы распада великой Российской империи.

ИЛЬИНЫ

К середине девятнадцатого века Ильины занялись продажей и перевозкой соли, а со временем и разработкой соляных промыслов. Сначала глава семьи Алексей Васильевич, а за ним и остальные родственники перебрались в небольшой безуездный городок Илецк Оренбургской губернии, где соль добывалась открытым, а потом и шахтным способом. Его сыновья Сергей и Леонид помогали отцу уже с малолетства:

вместе с ним работали на соляных складах в Илецке, Оренбурге, Самаре, встречались с перекупщиками и перевозчиками, участвовали в сделках по заключению договоров. Новое дело приносило солидную прибыль, и к концу века Ильины стали одними из самых известных солепромышленников России. И знали их не только в Поволжье. Илецкую соль, о которой дал свой отзыв ещё М.В. Ломоносов: «…сию соль в твердости, силе и споризне предпочесть прочим солям», они поставляли по всей стране и за её пределы. С соляных складов Самары перевозили баржами по Волге, пароходами через Каспий в Баку и персидский порт Энзели.

Зачинатель династии, обучавшийся дома, умевший весьма сносно читать, писать и считать, уважал людей «ученых», как он говорил, и поэтому всячески стремился дать своим потомкам лучшее на то время образование. Всем дал, всех выучил и гордился этим не меньше, чем достижениями в делах своих. Радовался успехам детей и многих внуков, кого успел увидеть и понянчить. Все выросли, выучились, вышли в люди. Были среди них доктора, учителя, военные. Многие разъехались по стране. Поблизости от родового гнезда остались те, кто продолжили семейное дело – сыновья Сергей и Леонид, и внуки – двоюродные братья Николай Сергеевич и Иван Леонидович Ильины.

К началу двадцатого века делами, связанными с соляным

промыслом, занимался, в основном, Николай Сергеевич. Он был и постарше брата, и поухватистее его. Да и внешне был копией своего деда. Иван же в последние годы мало участвовал в работе семейного предприятия. Во время учебы в Московском университете, куда его отправили учиться по настоянию отца, он вместе со многими нужными науками приобрёл страсть к игре в бильярд. И не просто приобрёл, а стал одним из лучших игроков в Москве, а потом и в Поволжье, куда вернулся продолжать семейное дело. Был бы жив дед его, поостерегся бы Иванко, как звал младшего внука старший Ильин, в игры играть. Да к тому времени отошел в мир иной Алексей Васильевич. А Иван играл много, весело, азартно; часто выигрывал, но и проигрывал, случалось, немало.

ДУБИНИНЫ

В тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году по призыву правительства Дубинины отправились осваивать пустующие территории юга России – прикаспийские земли. Государство предложило желающим переехать туда льготы и привилегии – освобождение от податей и воинской повинности, бесплатную добычу тюленей и рыбы в море, соли в соляных озерах по сто пятьдесят пудов на семью. Дубинины перебрались в Закаспийск – недавно образовавшееся поселение на восточном берегу Каспийского моря. Занимались торговлей и пе-

ревозками. Закупили лодки, баркасы, снасти и организовали рыболовецкие артели.

Со временем семейство рыбопромышленника, миллионера Николая Петровича Дубинина стало хорошо известно на Каспии и в Поволжье. Дубинин – удачливый предприниматель. Его продукция успешно конкурировала на рыбных рынках страны. Пароходы и баржи перевозили его грузы и разгружались на пристанях, принадлежавших ему же. Для хранения рыбной продукции сооружены амбары, погреба, ледники. В Закаспийске у семьи Дубинина большая усадьба – дом с садом и хозяйственными постройками. В тысяча восемьсот восемьдесят пятом году с помощью Дубининых в городе возвели и освятили церковь во имя Николая Чудотворца. Для наёмных работников открыли баню, торговые лавки, столовую, где бесплатно кормили не только работников, но и их детей. В лавках отпускали товары под запись в счет будущих заработков. Бывало, что и долги списывали в трудные времена. Кроме того, были построены дома, магазины и склады в Астрахани, Гурьеве, Самаре и Оренбурге.

В тысяча восемьсот восемьдесят шестом году Николай Петрович женился. Через год родился сын, которого назвали в память деда, усопшего незадолго до его рождения. Над могилой отца Николай Петрович возвел памятник-часовню.

2024 ГОД. ПРИГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГА

«Интересно, а что же было дальше? Чем закончились поиски Александра Александровича? – задумался Алексей, забывший в трудные для него годы о загадочной истории. – Дубинин тогда явно не собирался останавливаться в своём расследовании. Как бы узнать, нашёл ли он что-нибудь. Если не само золото, то хотя бы объяснение, куда его вывезли».

Ильин помнил, что после поездки в Оренбург мать с кем-то переписывалась. Теперь, увидев папку с письмами и открытками, понял, что она отвечала на поздравления родственников. Но от старшего Дубинина писем в папке не было.

Надо осмотреть сарай, в который он когда-то перенёс ненужные вещи и старую мебель. Потянувшись за ключом, Алексей вытащил из кармана мятый конверт, выпавший из почтового ящика: «Казань, Вознесенский Максим Дмитриевич».

«Казань? Там жили родственники, приезжавшие на встречу в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Максим Дмитриевич? Кто это? Неужели тот Максимка, с которым они катались на лодке по Уралу тем жарким летом в Оренбурге? Сколько лет им тогда было? Десять? Одиннадцать? – Вскрыл конверт. – Точно, он!»

«Алексей, привет!

Я Максим Вознесенский, твой дальний родственник. Если точнее, твой прадед Ильин Леонард Иванович и моя пра-

бабка Ильина Елена Николаевна были троюродными братом и сестрой. Помнишь, как лет тридцать назад, а то и больше, мы с нашими родителями встречались в Оренбурге? Они собирались по поводу некой таинственной истории исчезновения семейных ценностей после революции. Коротко напомню на всякий случай.

В августе тысяча девятьсот восемнадцатого года золотой запас Российской Империи вывезли из Казанского банка сначала в Самару, а потом в Омск к Колчаку. И в это же время твой прадед Леонард Ильин вывез из этого банка золото наших семей на юг России. Куда точно, никто не знал.

Эта история недавно получила продолжение. Ко мне приезжал сын того самого Дубинина А.А., который собирал наших родителей. Получается, что этот гость в какой-то степени дядя и тебе и мне. Он рассказал, что продолжает дело отца, так же занимается поисками пропавшего золота и хочет найти дневники твоего прадеда, якобы оставшиеся в вашей семье. Перед тем, как приехать ко мне, он заезжал в Екатеринбург, чтобы встретиться с твоей матушкой Валентиной Леонидовной, но никого в вашем доме не застал. Соседи рассказали ему о смерти твоих родителей и жены, а про тебя ничего сообщить не смогли: не знали, где живёшь.

Прими наши соболезнования. Прости, но мы ничего не знали о случившемся.

Думаю, что этот родственник снова приедет к кому-то из нас. Очень уж он заинтересован в получении этих докумен-

тов или хотя бы части из них. Настоятельно просил меня узнать, где ты находишься и есть ли у тебя бумаги Леонарда. Пишу уже не первый раз и не получаю ответа, наверное, живёшь по другому адресу. Хочу поговорить и переслать некоторую интересную для тебя информацию. Срочно позвони по указанному номеру или вышли свои координаты!

М. Вознесенский».

Алексей тут же отправил ответ по указанному адресу и принялся ещё раз осматривать закоулки дома: неужели не заметил какие-то незнакомые документы.

Он вспоминал последние годы жизни матери. Как приезжал из Москвы на каникулы и она, вернувшись с работы, подсаживалась к нему, угощала чем-нибудь вкусным и расспрашивала об учёбе, друзьях, подругах. При этом, как бы, между прочим, осторожно выпытывала о том, чем они занимаются кроме занятий на досуге по вечерам и в выходные дни.

– Играете? … А во что? … Шахматы, карты? А в бильярд не играете?

Узнав, что сын с друзьями в бильярд не играют, Валентина Леонидовна успокаивалась до его следующего приезда.

В последние годы она, будто предчувствуя скорую кончину, всё чаще и подробнее рассказывала о жизни семей Ильиных и Дубининых в далёкие годы начала двадцатого века. Из этих рассказов Алексей понял причину её вопросов и опа-

сений.

ГЛАВА 3

НАЧАЛО XX ВЕКА. ИЛЬИНЫ

В тысяча девятисотом году у дальних родственников, но близких друзей и компаньонов Николая Петровича Дубинина и Николая Сергеевича Ильина родились дочери – Мария и Ольга. И в этом же году случилась беда. Неподалёку от Закаспийска, вблизи Лебяжьего острова, во время шторма было выброшено на камни и затонуло торговое судно Ильина. Часть экипажа удалось спасти, несколько человек погибли. Николай Сергеевич выделил деньги для установки на острове памятника погибшим морякам. Спасшихся отхаживали в больнице, построенной Дубининым на окраине Закаспийска.

В тысяча девятьсот пятом году после окончания оренбургской гимназии Леонард Ильин поступил в Императорское Московское техническое училище. В отличие от отца, к азартным играм он не был склонен, но вот революционное неистовство столицы захватило его. После январских событий новый учебный год начался с бурных собраний, сходок, создания различных комитетов. Проводились сборы средств для помощи политзаключенным. Образовы-

вались органы самоуправления, куда выбирались как беспартийные студенты, так и представители различных политических партий: социал-демократы, эсеры, кадеты, анархисты.

Леонард сошёлся с такими же неугомонными и безрассудными сверстниками из ячейки социал-революционеров. Начав с борьбы за принципы студенческого самоуправления, молодые эсеры, выражая солидарность с рабочими столицы, перешли к призывам о прекращении учебных занятий и участии в стачках и забастовках. В тысяча девятьсот шестом году Ильин вступил в Союз социалистов-революционеров-максималистов, выделившийся из партии эсеров и занимавший промежуточную позицию между ними и анархистами. Максималисты ожесточённо противились развитию капитализма в России и боролись за преобразование страны на социалистических началах. В своем стремлении к реформам они избрали путь экспроприаций и террора, надеясь дезорганизовать власть и призвать народные массы к восстанию.

Борьба с режимом, забастовки, митинги, подпольная деятельность. Во всех акциях принимал участие и Леонард, ставший к тому времени одним из активных приверженцев силовых методов давления на власть. В составе одного из летучих отрядов он принимал участие в боевых столкновениях и нападениях на представителей власти. В марте тысяча девятьсот шестого года участвовал в ограблении Московского общества взаимного кредита. А в октябре того же года – в нападении на карету казначея Петербургской портовой та-

можни. Был арестован охранным отделением, но в скором времени выпущен из-за отсутствия прямых улик.

Отец, узнав об участии Леонарда в нападении на купеческое общество, основанное при участии его семьи и семей других известных предпринимателей, в негодовании лишил сына поддержки проживания и обучения в Москве. Учиться стало заметно труднее, к тому же отвлекали партийные дела. Бывало, что Леонард пропускал по два-три семестра, да и оплату за обучение вносил нерегулярно. В ту пору к «вечным студентам» университетское руководство относилось снисходительно: их не отчисляли, и некоторые, как он, учились по семь-восемь лет, а то и больше.

Тысяча девятьсот одиннадцатый год стал поворотным и несчастливым для Ильина. Сначала случилась беда с его отцом, известным игроком и кутилой. Иван Леонидович, которому на то время шёл сорок пятый год, считался лучшим игроком Поволжья, да и по всей России мало было равных ему бильярдистов. И вот он проиграл огромную сумму, а заодно и особняк в Оренбурге, построенный ещё его отцом, дедом Леонарда. Проиграл и после этого исчез. Ходили слухи, что, скорее всего, в живых его уже нет. То ли сам после игры свёл счёты с жизнью, то ли помогли ему. Говорили, что проигрыш его произошёл при странных обстоятельствах. Играли в известном в городе салоне. Свидетелей бы-

ло мало, а те, кто присутствовал, особенно не разбирались в тонкостях и правилах игры. Так что они не могли сказать ничего определённого о профессионализме соперников Ивана Леонидовича. Но им показалось, что он был или не здоров, или под воздействием каких-то препаратов: не пьян, но не в себе. Были и такие слухи, что к проигрышу и исчезновению причастен Николай Сергеевич Ильин, которому надоели праздность, игры, расточительность двоюродного брата.

Поиски были организованы с опозданием и не увенчались успехом, потому что родственники пропавшего не сразу сообщили о случившемся. В их среде азартные игры и разгульный образ жизни осуждались. Считалось, что игрок на деньги не может быть серьёзным предпринимателем. Пагубные пристрастия несовместимы с холодной рассудительностью и расчётливостью, которые необходимы промышленникам и купцам. А Иван Леонидович не обладал такими качествами и постоянно попадал в неприятные и даже скандальные ситуации. Близкие привыкли к этому, не обращали внимания на его выходки и особо не торопились спешить ему на помощь.

В том же тысяча девятьсот одиннадцатом году партия революционеров – максималистов прекратила своё существование. Леонард и его единомышленники по партии продолжили борьбу с режимом проведением единовременных акций – экспроприаций банков и коммерческих предприятий.

Но, в основном, перешли к методам идеологической борьбы: вовлекали в свои ряды единомышленников, выпускали партийную литературу и листовки, готовили и проводили митинги и забастовки.

За восемь лет участия в революционных битвах из романтического восторженного юноши Леонард превратился в непримиримого борца с монархией – скрытного, жёсткого, решительного, бескомпромиссного.

Ильин был арестован осенью тысяча девятьсот четырнадцатого года. На открытом судебном процессе по делам об ограблениях банков, государственных и частных фондов защищал позицию партии. Как и другие его сподвижники был осуждён и сослан в Сибирь. Там, в селе Манзурка Иркутской губернии, он познакомился с политссыльными Вячеславом Михайловичем Молотовым, Мартином Ивановичем Лацисом, Верой Петровной Брауде. Подружился с анархистом Александром Бакуном, с которым они в тысяча девятьсот шестом году принимали участие в подготовке акции по нападению на инкассаторскую карету Петербургской портовой таможни, названной позднее в газетах «Ограблением века».

После бурных событий тысяча девятьсот пятого года революционная энергия в стране угасала, и только эсеры – максималисты и анархисты различных течений не прекращали борьбы. Бакун был известен как бесстрашный активист

боевых дружин анархистов. По окончании гимназии он поступил в Санкт-Петербургский Горный институт, но в тысяча девятьсот седьмом году бросил учебу и полностью отдался работе сначала в подпольном революционном кружке, потом в Московской группе анархистов – коммунистов. Приверженец жёсткого безмотивного антибуржуазного террора и экспроприаций, он был известен в Санкт-Петербурге и Москве под партийным прозвищем Бакунин. Поджарый, среднего роста, темноволосый крепыш с холёными чёрными усами и выправкой спортсмена притягивал женщин и отталкивал мужчин. Незнакомых людей смущал и тревожил его настороженный, недобрый, звероватый взгляд исподлобья – взгляд хищника, всегда готового к внезапному нападению. На выбор псевдонима повлияли и характер, и фамилия, и почитание одного из основоположников анархизма и народничества – Михаила Александровича Бакунина.

В иркутской ссылке Бакун и Ильин вместе охотились, рыбачили, работали в сельской школе.

1916 ГОД. ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

После тысяча девятьсот пятого года количество политссыльных в России значительно увеличилось. Сибирь стала местом высылки на поселение приверженцев разных идейных направлений, «вредных и революционных» для правящего режима – большевиков, меньшевиков, эсеров,

анархистов. Но основную массу ссыльных составляли всё-таки уголовники: от фальшивомонетчиков и конокрадов до воров, разбойников и убийц. Возможно, поэтому местные жители с недоверием встречали всех этапников, сторонились их и не проявляли никакого сочувствия. Говорили: «Поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет».

Поначалу политссыльные, особенно из больших городов, были угнетены тяжёлыми условиями новой жизни и беспомощны. В суровом климате недружелюбного захолустья они оказались отрезанными от мира обыденного благополучия. Но со временем привыкали, окружали себя необходимыми вещами, вели спокойную размеренную жизнь, стараясь организовать её по образу той, которой жили до ссылки. Постоянно нуждаясь, брались за любую работу. В «Положении о полицейском надзоре» был установлен порядок надсмотра в местах пребывания политических ссыльных. Давая относительную свободу, им запрещалось отлучаться, поступать на государственную службу, заниматься адвокатской и педагогической деятельностью. Некоторые возможности зависели от дозволения местного начальства. Учителя, студенты, гимназисты иногда получали разрешение на обучение детей грамоте. Врачей в тех краях всегда не хватало, и они занимались лечебной практикой. Кроме того, ссыльные могли устраиваться на временные работы. Кто-то занимался охотой, рыбалкой, кто-то работал на пристанях, лесозаготовках. Мест-

ные власти были обязаны помогать ссыльным, что они и делали: выделяли небольшие деньги и продукты питания, выдавали единовременные пособия на летнюю и зимнюю одежду.

Тяжёлые условия, необходимость преодоления житейских проблем не разделяли, а помогали сплочению ссыльных разных национальностей, социального происхождения, политических взглядов. Постепенно складывался неписаный свод правил существования в нелёгких и непривычных для них условиях. Политзаключённые объединялись в ячейки и коммуны, организовывали быт на условиях равенства всех членов коллектива, создавали кассы взаимопомощи, столовые, библиотеки. Помогали вновь прибывающим ссыльным с обустройством на новом месте, и те постепенно свыкались и растворялись в окружающем обществе. Но не все уживались и смирялись. Одни ожесточались и, возвращаясь впоследствии на родину, несли с собой гнев, злобу, ненависть. Другие пытались бежать, но без организованной помощи сделать это было почти невозможно. Иные просто спивались. Только долгая, трудная работа над собой в коллективе помогала в ссылке оставаться человеком.

Уголовники устраивались в этих условиях по-другому. Сбиваясь в группы и артели, они делились строго по специализациям – криминальным «профессиям» и имели разные права внутри своих общин. В каждой такой группе выбирал-

ся староста, державший артельные деньги – «общак». Он же нёс ответственность перед местными властями за все проступки уголовников, которые постоянно досаждали местным жителям.

У политических с уголовниками отношения складывались сложно. Вначале пробовали наладить мирное сосуществование, предлагали помощь по разным вопросам: образованию, просвещению, медицине, бытовым проблемам. Но все миротворческие усилия заканчивались ссорами, жестокими столкновениями, кровопролитными драками. Были даже случаи убийств политссыльных.

Многие из политических до ссылки прошли суровую школу столкновений и боёв с царской охранкой, полицией и жандармерией. Эсеры-максималисты и анархисты считали индивидуальный террор и экспроприацию одними из решающих средств для уничтожения капитализма. Их напору, дерзости и силе уступал даже отлаженный столетиями репрессивный механизм царского режима. Большевики были менее привержены тактике революционного террора. Они относились к нему, как к защите и способу подготовки будущих кадров новой рабоче-крестьянской армии.

Суровая школа отношений после нескольких случаев столкновений, драк и нераскрытых убийств, подтолкнула политссыльных к объединению. Чтобы противостоять уголовникам и подчеркнуть свою независимость, они дистанцировались от общения и впоследствии стали представлять со-

бой внушительную и опасную силу. Боевая выучка и опыт в проведении силовых акций, приобретённые эсерами и анархистами в ходе революционных столкновений, сдерживали уголовников. Они достаточно быстро поняли, что рядом с политическими нужно или мирно жить, или хотя бы соблюдать нейтралитет.

Анархист Александр Николаевич Бакун после очередной стычки с уголовниками, когда его товарищи чудом остались живы, решил вести занятия по боевой подготовке среди политических ссыльных. Во время учёбы в Санкт-Петербурге он вступил в летучий боевой отряд анархистов-коммунистов, девизом которых был лозунг их идола Михаила Александровича Бакунина: «…не может быть революции без широкого и страстного разрушения… спасительного и плодотворного, потому что именно из него… зарождаются и возникают новые миры». Подготовкой этого отряда занимались опытные инструкторы. Они обучали начинающих бойцов приемам рукопашной борьбы, схваткам с использованием винтовок, револьверов, ножей, лопат. Воспитывали в учениках смелость и дерзость, тренировали их на выносливость. Ведение боя летучего отряда было основано на неожиданной и быстрой атаке короткими ударами рук, ног и любым оружием в наиболее уязвимые части тела.

– Бить надо первым и внезапно, сильно и быстро, не дожидаясь этого от противника, – учил Бакунин свою группу,

в которую входили и женщины. – Если не ты, то он ударит первым, и тогда плохи твои дела. Отвлеки противника словом, уклоном, резким движением и ударь его в пах, горло, колено или солнечное сплетение.

Вера Брауде, посещавшая занятия по боевой подготовке, несмотря на своё «интересное положение», поморщилась, услышав об ударах по глазам исподтишка. Что ей не понравилось в словах анархиста, непонятно. Она и её единомышленники – большевики, эсеры, анархисты шли путём революционного насилия, террора и разрушения, считая, что таким образом они противостоят произволу существующей власти. Главное в том, что насилие приведёт к революции, а значит – к построению нового общества, в котором не будет насилия!

1916 ГОД. ВЕРА БРАУДЕ. «ДИКАЯ КОМАНДА»

Вера Петровна Брауде, в девичестве Булич, родилась в тысяча восемьсот девяностом году. Дочь действительного статского советника, дворянка. До восьмилетнего возраста жила в семейном имении в деревне. После переезда семьи в Казань, поступила в женскую гимназию, из которой была исключена в третьем классе за строптивый характер и систематическое нарушение дисциплины. В институте благородных девиц, куда её определили родители для образования и вос-

питания, тоже надолго не задержалась – после отказа изучать Закон Божий и ходить в церковь была изгнана с мотивировкой «за антирелигиозные настроения».

В Казанской частной гимназии, куда Вера поступила для продолжения образования, она увлеклась идеологией марксизма, занималась организационной и пропагандистской работой в нелегальном большевистском кружке. В пятнадцатилетнем возрасте была первый раз арестована за антиправительственные призывы и участие в демонстрациях. После очередного ареста за изготовление, хранение и распространение нелегальной литературы была отправлена под опеку дяди, служившего земским начальником. Из-под надзора сбежала, но перед этим вместе с друзьями из местной организации РСДРП сожгла имение любимого дядюшки.

Работая в большевистских организациях с тысяча девятьсот пятого года, неоднократно подвергалась задержаниям, арестам, высылкам, репрессиям. После замужества, уже под фамилией Брауде, Вера продолжила революционную деятельность в Казани, Петербурге и Швейцарии, куда эмигрировала, сбежав из очередной ссылки. Там познакомилась с Лениным. Потом переехала в Париж, а в тысяча девятьсот четырнадцатом году вернулась в Россию. Вскоре снова была арестована, теперь уже за антивоенную пропаганду, и в тысяча девятьсот шестнадцатом году выслана в село Манзурка Иркутской губернии.

– Именно так, Вера Петровна, – горячился Бакунин. – Удары исподтишка в наиболее уязвимые места приносят победу в уличных схватках. Честная драка не всегда эффективна, а чаще до неё и не доходит. Вспомните, как убили нашего товарища на лесосплаве. Прохаживался и оживлённо беседовал с кем-то на берегу после работы (так до сих пор и не установили, с кем). Тот его по-дружески за плечо приобнимал. А через полчаса нашли с заточкой под рёбрами в кустах. И глаза песком запорошены.

Леонард усмехнулся: – А я-то думал, зачем у тебя табак с солью в кармане. Теперь понятно.

– Верно, Леон. Песок не всегда найдётся. А табак под рукой. Да и любой порошок подойдёт. Возьмите горсть песка, табака, соли или грязи и бросьте в лицо противнику. А следом – мгновенный удар в глаза, горло, пах, колено. Понятно это? А то ведь перережут здесь, как баранов, а нас там, на большой земле, родные ждут и товарищи наши боевые. Камень, кирпич, палка – это тоже оружие. А потом добивать по голове, да так, чтобы в кровь. … Да, да, уважаемая Вера Петровна, в кровь. Или мы их, или они нас.

Рассказывал Бакунин на этих импровизированных курсах о возможных вариантах нападения и защиты. Показывал и отрабатывал с каждым из товарищей применение различных видов ударов, как без оружия, так и с помощью любых попавшихся под руку предметов.

Уголовники знали об этих тренировках, насмехались над

группой Бакуна, зубоскалили, называя её «дикой командой товарища Бакунина». Но вскоре всем пришлось убедиться в необходимости и справедливости его наставлений.

Спокойная жизнь сибирского захолустья была взбудоражена происшествием, вполне предсказуемым и даже, в какой-то мере, закономерным, но как всегда неожиданным. В один из дней ссыльные закончили работу и собрались возле конторы для получения ежемесячного пособия и продуктов. Когда полицейские, представитель местной власти и сотрудники конторы вошли в здание, к нему из ближайшего перелеска неожиданно подбежали люди с закрытыми лицами, вооружённые ножами и коваными прутьями.

Налётчики, судя по всему, заранее подготовились и действовали строго по плану: двое перекрыли входы, трое ворвались внутрь и быстро взяли под контроль помещения небольшой конторы. Угощавшихся чаем полицейских жестоко избили, разоружили и связали. Посетителей и персонал согнали в одну из комнат и положили на пол. Казалось бы, всё шло по плану злоумышленников. Пока двое складывали деньги и продукты в мешки в одной из комнат, третий обходил контору, помахивая ножом и избивая прутом пытавшихся встать или сесть испуганных людей. Неожиданно он подошёл к одной из работниц, забившейся от страха под стол, и шёпотом заговорил с ней о чём-то. При этом незнакомец совершил роковую ошибку, встав спиной к заложникам.

Вера Брауде, оказавшаяся на полу вместе с другими заложниками, увидела, как лежавший рядом с ней лицом вниз Бакун приподнялся, снял с неё платок и успокаивающе покачал головой. Через несколько секунд бандит уже лежал за столом, задушенный скрученным в жгут платком. Кто-то из женщин приглушённо охнул, но хрипы и стоны избитых полицейских заглушали посторонние звуки. Бакун приложил палец к губам, дав понять оторопевшим людям, чтобы лежали тихо. Надев кепку и маску поверженного противника, с ножом в одной руке и металлическим прутом в другой, тихо, спокойно, без суеты вошёл в соседнюю комнату, где налётчики уже завязывали мешки с добычей, и молча вонзил нож одному из них сзади в шею чуть ниже основания черепа. Как он объяснил потом своим соратникам, это один из надежнейших способов бесшумного убийства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.